журнал поэзии

плавучий МОСТ

1 / 2016

Коллектив авторов

Плавучий мост. Журнал поэзии. №1/2016

«Летний сад»

2016

Коллектив авторов

Плавучий мост. Журнал поэзии. №1/2016 / Коллектив авторов — «Летний сад», 2016

Журнал поэзии «Плавучий мост» является некоммерческим изданием, выпускается на личные средства его создателей, при содействии и участии издательств «Летний сад» (Москва, Россия) и «Verlag an der Wertach» (Аугсбург, Германия). Периодичность издания – один раз в квартал.«…Спор о том, какой должна быть поэзия, что в ней можно, что нельзя, слишком давний, чтобы надеяться на его разрешение. Надежды же на то, что она подчинится неким принудительным нововведения, представлениям меньшинства или даже большинства просто нет: она будет такой, какой её видит и слышит Поэт. Полагаю, именно поэтому тайна её очарования сохранится до тех пор, пока Поэт будет оставаться тем единственным, кто не знает как стихи пишутся. Пусть это знают критики и даже читатели – но не поэт…»

© Коллектив авторов, 2016
© Летний сад, 2016

Содержание

Поэзия и время 6
Берега 8
Геннадий Русаков 8
«Опять горячий дождь насквозь пронизан светом…» 8
«В межтамбурном проходе…» 8
«Не нужно принимать себя всерьёз…» 9
Снимок 9
«Ничего мне, граждане, не надо…» 10
«Да, жизнь как жизнь: круженье пустяков…» 10
«Из ресторана тянет щами…» 11
«Мне нужно, чтоб звала, мне нужно, чтоб кричала…» 11
«Не надо показывать старых актрис…» 12
«Полуслепые зимние погоды…» 12
«Проходит онемение удара…» 12
«На бумажке свой год запишу…» 13
«Единство ночи – мелко блёклых звёзд…» 13
«Когда благопристойное веселье…» 14
«Бог забирает лучших среди нас…» 14
«О чём между собой беседуют коты?..» 15
Чекко 15
«Когда-нибудь я напишу стихи…» 16
«Я помню день в базарном гам…» 17
«Все мои дожди отморосили…» 17
Илья оганджанов 19
«Плыть и плыть бы за облаком…» 19
«Сегодня как и вчера…» 19
«Послушай как бьётся сердце…» 19
Игра в прятки 20
«После грозы…» 20
«Стог сена в осеннем поле…» 20
«По рельсам вен грохочет скорый поезд…» 21
«Провожаю взглядом облака…» 21
«в небе колодцы света…» 21
«Дым и пепел…» 22
«Я говорю…» 22
Палимпсест (первая страница) 23
Палимпсест (четвёртая страница) 23
Палимпсест (страницы с пятой по восьмую) 23
Август 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Плавучий мост. Журнал поэзии. № 1/2016

© Редакция журнала «Плавучий мост», 2016
© Verlag an der Wertach, 2016
© Авторы публикаций, 2016

* * *

Поэзия и время
Виталий Штемпель
Кому и что должна поэзия

Спор о том, какой должна быть поэзия, что в ней можно, что нельзя, слишком давний, чтобы надеяться на его разрешение. Надежды же на то, что она подчинится неким принудительным нововведения, представлениям меньшинства или даже большинства просто нет: она будет такой, какой её видит и слышит Поэт. Полагаю, именно поэтому тайна её очарования сохранится до тех пор, пока Поэт будет оставаться тем единственным, кто не знает как стихи пишутся. Пусть это знают критики и даже читатели – но не поэт. Мандельштам, видевший в символизме начало новой поэтической эры, всё-таки заключил: «Какой должна быть поэзия? Да может, она совсем не должна, никому она не должна, кредиторы у неё все фальшивые!» И – совершенно неожиданное и малоутешительное: «Ничего так не способствует укреплению снобизма, как частая смена поэтических поколений при одном и том же поколении читателей. Читатель приучается чувствовать себя зрителем в партере, перед ним дефилируют сменяющиеся школы. Он морщится, гримасничает, привередничает. Наконец у него появляется совсем уже необоснованное сознание превосходства – постоянного перед переменным, неподвижного – перед движущимся». Не это ли самое сознание превосходства подвигло читателя на большее: худо-бедно освоив законы стихосложения, он сам взялся за дело. С некоторых пор писание стихов стало терапией масс. Дискредитирован ли при этом Поэт или сама Поэзия? Ни в коем случае! Читателей поубавилось. Тиражи поэтических сборников упали с десятков тысяч до нескольких сотен. Но именно эти несколько сотен востребованных книг настоящей поэзии и сохраняют надежду: поэзия есть и будет. Пушкин вложил в уста книгоиздателя слова, характеризующие его время: «Наш век – торгаш; в сей век железный / Без денег и свободы нет». Великий поэт будто заглянул в наше время. Что изменилось? Да ничего. Сегодня, как и прежде, денежные знаки правят этим миром. И не поэзия в том виновна. И всё-таки – может быть, именно честности и ей недостаёт. Той самой честности, которая сближает её с читателем и которую можно ещё назвать «прекрасной ясностью» (М. Кузмин). И совсем уж как напутствие следующим поколениям поэтов звучат – его же – слова: «Друг мой, имея талант, то есть – уменье по-своему, по-новому видеть мир, память художника, способность отличать нужное от случайного, правдоподобную выдумку, – пишите логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусным зодчим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях».

Гейне когда-то сделал в записной книжке такую запись: «Die Welt wundert sich, dass einmal ein ehrlicher Mann gelebt – die Stelle bleibt vakant». (Мир удивляется тому, что однажды жил честный человек – это место остаётся вакантным). Блок, в своей знаменитой речи «О назначении поэта» заключил: «…роль поэта – не лёгкая и не весёлая, она трагическая.» В трагическую же минуту своей жизни Пастернак написал мужественные строки, в чём-то повторив мысль своих предшественников:

«Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.»

Именно: вакансия поэта не занимается по указке сверху. А если это случается – то она пуста, то есть не представляет ценности. Мне ни в коем случае не хотелось бы вносить элемент полемики в журнал, поставившего своей целью скромную и вместе с тем нелёгкую задачу: отражать на своих страницах современную русскую поэзию – такой, какая она есть, давать слово авторам самых разных поэтических школ и направлений, не взирая при этом на географическое местоположение автора. Я охотно соглашусь с двумя противоположными мнениями о существе поэзии. Ибо каждое имеет право на жизнь. Но проводником её был и остаётся (подчеркну – всегда!) только Поэт.

Наш журнал прожил два года. Мы не вышли в первые ряды и не остались на задворках. Скажу больше: в самом факте нашего существования нет никакой логики. Ибо мы нигде не состоим и никому ничего не должны. Те, кто этот журнал делает, – делают это из доброй воли, не имеют от этого никаких дивидентов. Те, кто в нём публикуется, – публикуются из любви к поэзии. А значит торгашеский дух нашего века всё-таки относителен. И если это то единственное, что своим существованием доказывает наш журнал, то так ли это мало?

Примечание:

Виталий Штемпель – поэт, редактор. Живёт в Германии.

Берега

Геннадий Русаков
Стихи разных лет

Русаков Геннадий Александрович родился в 1938 году, воспитывался в Суворовском училище, учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Работал переводчиком-синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке и Женеве. Автор семи книг стихотворений. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» (2014). Живет в Москве и Нью-Йорке.

«Опять горячий дождь насквозь пронизан светом…»

Опять горячий дождь насквозь пронизан светом
и всё качается, всё брызжется и льёт,
такой дурашливый, таким горячим летом
и так бессовестно меня не узнаёт!
А я тут с Моцартом, а я тут ртом закрытым
играю музыку, как будто я кларнет.
Мне всё так нравится, и скачет град по плитам,
а мне до прочего уже и дела нет.
Вот я из палочек, из косточек вишнёвых
на тропке выложу летящую стрелу.
Она взлетит, а я пойду в ботинках новых
разыскивать её по волглому селу.
Там дышат червяки на грядках полной грудью –
и это правильно: ну, как тут не дышать?
Я их возьму к себе в друзья по малолюдью,
сложу их в баночку, не буду им мешать.

«В межтамбурном проходе…»

В межтамбурном проходе
заиндевел металл.
Вагон на стрелках водит.
И градусник устал.
Но грузны расстоянья.
Но бешены мосты.
И птица без названья
кричит из темноты.
А там одно и то же:
снега, снега, снега.
И холодом по коже.

И больно ночь долга.
Кто там в полях кочует
за белой пеленой?
Моя страна ночует,
как жолудь ледяной.
И две огромных тени
по насыпи бегут,
как-будто в этой теми
кого-то берегут.

«Не нужно принимать себя всерьёз…»

Не нужно принимать себя всерьёз.
Мы тут, ей-богу, очень ненадолго:
придуманный Создателем курьёз,
живущий из осознанного долга.
Дерзай. Дерзи, как водится,
Творцу. Хами ему, поскольку благодарен.
Начало – приближение к концу.
Я тоже этим временем ударен:
жду от него внезапного письма,
где строчки легче женского касанья –
небесный шёлк, творенья бахрома.
У времени своё правописанье…
Эх, жизнь-удача, туз из рукава!
Кому ещё такое выпадает?
…И рано повзрослевшая трава
под тяжестью июня проседает.

Снимок

Молодой, умеренно-красивый,
тихий бабник, сумрачный пижон…
Но с какой невероятной силой
снова лезет время на рожон!
Я стою, со мною всё понятно:
весь я тут, меня нигде не ждут.
Но вот эти солнечные пятна,
Герцен, Первомай, Литинститут!
Жора Елин сделал этот снимок
или, может, кто-то до него:
из числа ушедших невидимок,
из друзей, не рвавшихся в родство.
Из невест, не выбившихся в жёны…
Я стою и в оптику смотрю –

молодой и странно напряжённый:
будто вижу, а не говорю.
Боже мой, как страстно это время,
век двадцатый, бьющийся во мне!
Это солнце, греющее темя.
Этот я, с собой наедине…

«Ничего мне, граждане, не надо…»

Ничего мне, граждане, не надо,
ничего я больше не хочу:
ни ночного сада-вертограда,
ни столетья, что не по плечу.
Всё отдал, как бабка завещала,
пережил не веривших в меня.
Больно жизнь мне многое прощала,
у себя за пазухой храня…
Вот он я, уже давно на свете.
Жёлтый день цыплячится в окне.
Ничего не надо, птицы-дети,
ничего уже не надо мне.
Ах, качаться в пенсионной зыбке,
гречку есть, подсчитывать нули…
И держаться намертво за штрипки
резко накренившейся земли.

«Да, жизнь как жизнь: круженье пустяков…»

Поговорим о странностях любви.
А. С. Пушкин

Да, жизнь как жизнь: круженье пустяков,
пруды, киоски, крик товарняков.
От полустанка – запахи мазута.
Найти наощупь строчку или слог,
с губы отклеить герпес-узелок…
Простудно нынче, и душа разута.

Поговорим о странностях любви…
О том, что сколько, в общем, ни живи,
а не добрать до вечности полгода.
Что март паскуден, а страна долга.
Что пахнут прелью мокрые стога.
И, что ни день, меняется погода.

А снег лежит поверх промёрзлых шпал –
ничком, как он лежал, когда упал,
присыпан сверху паровозной гарью.
Да, мир хорош, но только со спины.
Содрать бы с этих лириков штаны…
И самому себе заехать в харю.

Так тонко в доме скрипочка поёт!
Наверно, это Моцарт…Во даёт!
А я жую и сглатываю слёзы.
Играй, пили, фигляр, вещун, скрипач!
И сам, смычком дотягиваясь, плачь
над непотребством подмосковной прозы.

«Из ресторана тянет щами…»

Из ресторана тянет щами,
вокзальной тихой нищетой.
И воздух, горький от прощаний.
немного влажный и густой.
В таком заплаканном просторе
года, как спички, коротки.
Стихи пугают, рифме вторя,
смертельной точностью строки.
Никто не едет, все пропали.
Начальник станции тверёз.
И лишь закат, всё так же палев,
врисован в лирику берёз.
Играет бомж на слабой лютне,
и усмиряет этим плоть.
Зачем на станции Голутвин
Ты разлюбил меня, Господь?

«Мне нужно, чтоб звала, мне нужно, чтоб кричала…»

Мне нужно, чтоб звала, мне нужно, чтоб кричала,
чтоб голосила вслед огромная страна,
чтоб снова мне судьбу по риске размечала,
меж пальцами текла, как волглая струна!
Мне нужен этот ор грачиного развала,
семи её небес проём и разворот.
И чтобы к ней меня Татьяна ревновала,
рвала в клочки билет, кривила плачем рот.
Ушёл мой стыдный век и отзвонили звоны.
Я сам себя забыл на торжищах земли,

где печень злым вином врачуют выпивоны,
с большого бодуна прожорливее тли.

«Не надо показывать старых актрис…»

Не надо показывать старых актрис,
вчерашних владычиц большого экрана:
их горьких морщин, их заглаженный плис
и чашку с щербиной на спинке дивана.
Не надо, завесим для них зеркала –
пускай себя помнят по давним прогонам,
по судьбам-дубляжам, что жизнь раздала
в пандан к госконцертовским жёстким вагонам.
Уж лучше, как Гарбо, стоять в стороне
от века сутяг и торговых баталий.
Там новые крали на каждой стене –
на прежних уже и глядеть перестали.
Мне больно за них, за стареющих див,
за их неустрой и за постную манку.
Как будто, бессмертием их поманив,
им жизнь подложила подлянку.

«Полуслепые зимние погоды…»

Полуслепые зимние погоды.
Душа вполглаза смотрит из окна.
Остановились пасмурные воды.
Затихла многодумная страна.
Нам есть о чём подумать в эту пору,
Но я пойду и лягу, и усну.
И снова буду счастлив без разбора
за всю мою просторную страну.
За тех, кто есть и тех, кого не стало,
кого душа считает за своих.
(Она из очень лёгкого металла
и завершает свой структурный сдвиг).
А головокружительное счастье
ей раздувает юбку пузырём,
решая все проблемы в одночасье…
И мы ещё покуда не помрём.

«Проходит онемение удара…»

Проходит онемение удара.
Жизнь понимает, что она жива.
Как хорошо, что мы друг другу пара,
хотя бы по вопросам существа!
И если, беззащитней женской шеи,
придут слова, к общению просясь,
я, как связист, укрывшийся в траншее,
установлю на месте с ними связь.
Всё на потом: расчёты и разборки,
деленье на своих и на иных…
Сперва прочесть от корки и до корки,
ища метафор – тёлок племенных,
проверить слог по линии разлома
на крепь, на вязкость, на едрёну мать!
И только после, на досуге, дома,
уже на вкус и цвет воспринимать.

«На бумажке свой год запишу…»

На бумажке свой год запишу,
поднимусь, положу на божницу…
Я умеренно пью и грешу.
А столетье мне попросту снится.
Тихо сходят снега с высоты
и болтаются звёзды на нитке.
У столетий привычки просты:
аты-баты, пиф-паф и напитки.
Вот за это я их и люблю:
я и сам из незамысловатых –
на доходы коплю по рублю,
ем и пью у друзей тароватых.
День сверкает расчёсами гроз.
Ночи – время сплошного испуга.
…Как же долго я, Господи, рос,
чтобы мы понимали друг друга!

«Единство ночи – мелко блёклых звёзд…»

Только этого мало.
А. А. Тарковский

Единство ночи – мелко блёклых звёзд.
Упорство слов, просящихся наружу…
Зерно спросонья захотело в рост.
Февраль. Снега перерастают в стужу.

Вот чьё-то сердце светит в темноте –
комочек плоти, сжатие-биенье.
Нас ждут не эти, помнятся не те.
Рассвет помечен синеватой тенью.
И внятно ходят ходики судьбы,
разметив расстояние по стенке.
И кажется взаправду голубы
творения невнятные оттенки.
Но жизнь мила, как жостовский поднос.
…Заснул и встал, разгладил одеяло.
Всё хорошо, но всё-таки до слёз
чего-то жалко и ужасно мало.

«Когда благопристойное веселье…»

Когда благопристойное веселье
вершится в небесах под клавесин,
я предаюсь губительному зелью
среди родных растений и осин.
Но всё же, для причастности к народу,
в желаньи слиться или встать в ряды,
хотелось бы использовать погоду
для коллективной праздничной балды.
Ах, Бокарини, выйдем на лужайку,
тряхнем, как говорится, стариной:
под клавесин добавим балалайку –
и пляс тогда пойдёт совсем иной!
Такое тут поднимется-взовьётся.
такой тут будет выпад и отпад!
…Нет, хорошо под праздники поётся!
И каждый сам себя услышать рад.

«Бог забирает лучших среди нас…»

Бог забирает лучших среди нас –
они ему нужнее для работы.
Он сам определяет день и час
для пополнения извечной квоты.
Прости, Творец. Я всё ещё ропщу:
ты обошёл меня при разнарядке…
На следующий раз не пропущу,
хотя я и пятнадцатый в десятке.
Кому провидеть помыслы Твои
с раскладами на сотни поколений?
Я годен лишь на местные бои,

для остального нужен рослый гений.
Ты не сердись. Мы все твоя трава,
карандаши из общего пенала…
Но Люда всё-таки была права
и наизусть Твои расклады знала.

«О чём между собой беседуют коты?..»

О чём между собой беседуют коты?
Что говорят о нас, обнюхавшись, собаки?
Как зародился свет в утробе темноты
и кто прочтёт судьбы мучительные знаки?
Что значит «электрон»? Откуда взялся ток?
Вот телефон звонит и говорит: – Я Таня…
Невещный этот мир, увы, ко мне жесток
и в частностях своих, и взятый в сочетанье.
Я в нём за долгий век не понял ничего.
Хотя при всём при том я был среди счастливых,
когда одуревал от милостей его
и ковырял камедь на отпотевших сливах.
Я уважал предмет, трёхзначное число…
А прочее терпел и принимал на веру.
Да, я не понимал, откуда что пошло.
Благословенны те, кто миру знают меру!
Наверно, мне и впрямь всё это ни к чему…
Оно так веселей – восторг и удивленье!
Я даже смерть мою по-братски обниму…
Хотя она всего случайное явленье.

Чекко

Он тринадцатому веку
до сих пор стучится в двери.
Отворите человеку!
Это Чекко Анджольери.

Он строптив, драчлив, несчастен.
Он обедать ходит в гости
У него простые страсти:
девка, выпивка да кости.

Как он мать свою ругает,
как отцу желает смерти!
Он проклятья изрыгает…
Только вы ему не верьте.

Говорят, всё это враки.
Говорят – литература.
У него, мол, дом, собаки…
И жена – верна, но дура.

Как он с пылом дилетанта
рвётся к миру из сонета!
Как отчитывает Данта
то за то, а то за это!

Гвельф идёт на гибеллина.
Сколько крови в человеке!
Да и плоть всего лишь глина
даже в двадцать первом веке.

Кто тут малый, кто великий?..
Время всем воздаст по вере.
Что же так зашёлся в крике
этот Чекко Анджольери?

«Когда-нибудь я напишу стихи…»

Когда-нибудь я напишу стихи,
где море, лето, гаснущие дали.
И запахи проперченной ухи
над сонмом подозрительных едален.
…Дул бриз. На рейде гукали суда.
Стамбул курился дымкою кадила.
И по ночам дежурная звезда
из темноты на клотике всходила.
Какой мне год?.. А, впрочем, что за счёт?
Я молод, счастлив и как будто в латах:
вон жизнь моя поверх меня течёт
в блистаньи брызг и муравьёв крылатых.
И женщины горячая рука
так невесома, так мокры каменья!
И крабы вылезают из песка,
хромая на ходу от неуменья.
Что счастье, друг?
Да, женщина и страсть,
и кружевная выточка удачи…
Но эти, норовящие упасть,
хромые крабы, горстка мокрой сдачи,
ныряющие головы пловцов,
полдневный зной и рыжая дорога,
рыбак, судьбу ловящий на живцов

с моста в затоне Золотого Рога,
акации над хрустом шелухи,
и вымя-груз подвешенного сыра?
…Когда-нибудь я напишу стихи
про жизнь мою – про сотворенье мира.

«Я помню день в базарном гам…»

Я помню день в базарном гаме
и женщин с белыми ногами
на первых празднествах весны.
Их чуть смущённую походку –
они идут легко и кротко…
И по-особому ясны.

Эдем районного значенья –
сплошное, в сущности, мученье
из-за доступности чудес:
лотки, товары скобяные,
а с ними прочие-иные –
и все на нас, наперевес.

И ты, конечно, в том Эдеме,
как полагается по теме,
сияешь чистотою лба.
Уже ничто судьбу не застит
и ты с утра ещё глазастей.
Да вот она, твоя судьба!

Зачем я жив и помню это –
твоё лицо в качанье света?
И, ничего не бережась,
две наших тени без пригляда
чуть в стороне, но всё же рядом,
лежали,
за руки держась…

«Все мои дожди отморосили…»

Все мои дожди отморосили.
Все ветра споткнулись на бегу.
Я умею только о России.
Ничего другого не могу.

Что имел – того не захотела.

Что хотел – того не отдала.
По двору соломой пролетела.
На бугре рябиной отцвела.

Расстояний медленная мука.
Утешенья тёплая рука.
Расставанье. Родина. Разлука.
Далека ты, мати, далека…

Илья оганджанов
Стихотворения

Род. в 1971 г. в Москве. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский государственный лингвистический университет, Международный славянский университет. Поэт, писатель, переводчик. Публикации: журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Урал», «Сибирские огни», «Крещатик», «День и ночь», «Черновик», «Вавилон»; антологии и альманахи. Переводы: с английского – Т.С. Элиот, Роберт Фрост, Сильвия Плат, Уолт Уитмен, Филип Ларкин; с китайского – Ду Фу. Автор книги стихов «Вполголоса». Живет в Москве.

«Плыть и плыть бы за облаком…»

плыть и плыть бы за облаком
в неоглядную даль
с ветром петь бы и петь
разудалую песню
но лишь клочок вечереющей сини в моём окне
да гроздь сирени
камнем лежит на сердце неразгаданная тайна цветка
и дремлют в крови
цыганская скрипка и пастушья свирель

«Сегодня как и вчера…»

Сегодня как и вчера как наверно и завтра ветви бегут от корней теряя листья золотые рыбки скользят по воздуху и тонут ветер учит их мёртвых говорить слушай и запоминай бежит ручей в тревожной траве колокольчик воды ни с чем не спутать мы так часто умирали от жажды вчера как наверно и завтра в тревожной траве золотые листья слушай ветер качнул занавеску невидимый кто-то входит за ветром приносит в дом опавшие листья учит нас говорить колокольчиком жажды звенит ручей в зеркальной воде невидимый кто-то холодно руку твою пожимает мёртвые листья приносит домой и учит нас говорить сегодня как и вчера как наверно и завтра.

«Послушай как бьётся сердце…»

послушай как бьётся сердце
его косолапые шаги
похожие на «да-да» и «нет-нет»
то удаляются то приближаются
и удаляются вновь

Игра в прятки

…я не знаю, что было, когда не было дерева.
Е. Кулиева

Ты говоришь мне: я тебя вижу, ты стоишь за деревом. плечи видны из-за ствола. дерево уже тебя в плечах, поэтому я тебя вижу. и ещё я знаю, что за словом «дерево» стоит вот это дерево, за которым стоишь ты, а что стояло за словом, когда ещё не выросло дерево и ты не стоял за ним, я не знаю.

Теперь мой черёд: ты стоишь за деревом, и пусть я тебя не вижу, но точно знаю, что ты там, потому что когда ты пряталась, я подглядывал. а за словом «дерево» стоит не только это дерево, но и много других деревьев, за которыми мы могли бы спрятаться, и тех, за которыми мы никогда не спрячемся. я это знаю, не потому что видел все деревья на свете, а потому что читал об этом в книгах. а когда не было этого дерева и никакого другого тоже не было, за словом стоял Бог, как он сейчас стоит за нашим деревом, мальчик, приехавший из чужого города, с ним никто не хочет водиться, и он играет в прятки сам с собой. я давно за ним подглядываю.

«После грозы…»

После грозы,
когда умолкает ткацкий станок ливня
и всё вокруг соткано из тишины,
мне кажется, что я один на целом свете.

Но вот я слышу:
ровное дыхание земли сливается с моим дыханьем,
стрекозы хлопочут – штопают воздух,
по-стариковски охает ветер,
и листья шелестят: им снится сон, что они – бабочки.
И спускаясь по лестнице слуха
всё дальше и дальше от мира,
я различаю звук удаляющихся шагов –
это душе моей снится,
что она идёт по мокрой от дождя траве
тебе навстречу.

«Стог сена в осеннем поле…»

стог сена в осеннем поле
в пустынной сини – облако
луч зари
в утлой лодке объятий плывем мы
куда – не знаем
как далеко от берега
как сон безгрешен под лёгкой простынёю ветра
как одиноко под небом звучит мой голос

где ты где ты
трава пожухла
и облака след растаял

«По рельсам вен грохочет скорый поезд…»

по рельсам вен грохочет скорый поезд
новогодней гирляндой вагоны ныряют в колючую ночь
ты один на перроне
и перрон отплывает во тьму
в час отлива – ледяное сияние звёзд
в свои глубины отступает память
парус боли как плод наливается ветром
на палубе – хмельные голоса
ты один на пустом берегу
крики чаек умирают в груди

«Провожаю взглядом облака…»

провожаю взглядом облака
с детства не знавал занятия серьёзней
разве что на берегу реки
там где стрёкот со щебетом спорят
глядеть на неутомимую воду
доверяя ветру слетающие с губ слова

«в небе колодцы света…»

В небе колодцы света человек умирает от жажды мартовский дождь обрюхатил деву – вот тебе дева абонемент в планетарий мать укачивает в коляске разбитое зеркало бедуин пересыпает из века в век сутры пустыни за щекой у ребёнка солнечная карамель океан насмехается над нашим пронырливым взглядом вернувшимся из дальних стран с пустым обозом переводные картинки вечности – врачи рекомендуют от неврозов нам не одолеть когорты закованных в пену волн, но мы согласны на вечность в умеренных дозах: введите мне в вену десять кубиков океана, и вот я – Христофор Колумб или Кортес, неважно – под ногами Америка, какой-никакой, а материк

– Что может сказать кролик об удаве, сидя у него в брюхе и нащупывая останки своего предшественника? – Да здравствует пищеварение!

передёрни затвор и живца насади на крючок
отверни на полную вентиль аорты
раскачай качели ума своего
и-и-и…

миру – мир
баю – бай
Мамаю – Барклай
Кардену – колено
бревну – полено
наркоманам – по шприцу
с миру – по Ницше

меня тошнит врачи рекомендуют траве готовиться к сенокосу мальчик готовится стать солдатом ты ложишься спать с кем попало и всегда встаёшь ровно в восемь колыбельную спой мне на завтрак жизнь проходит доброе утро здесь были мы: Маша плюс Саша равно Коля плюс Оля равно икс плюс игрек

«Дым и пепел…»

Дым и пепел,
с вами родство моё непреложно.
Младший брат ваш,
с детства я вам подражал:
пепел посею – дым пожинаю.
В вас обретал я новые силы,
и будущее снилось мне –
дыма увядший нарцисс,
только такие цветут на пепелище сердца.
С вами читал я страницы бессонниц и заучил наизусть:
нет в человеческом голосе силы равной человеческой скорби.
С карканьем стая ворон срывается с губ.
Слово моё – легче дыма,
бесплоднее пепла.

О вероломство кровников:
вотчина пепла – земля,
небо застлано дымом.
Лишь у меня нет доли в наследстве.
Но я не ропщу.
Я бы не вынес чёрной работы забвенья.
Мне бы справиться с малым наделом
на границе меж дымом и пеплом –
с душой.

«Я говорю…»

я говорю
с травой листвой волной
кузнечиком и стрекозой
заливистой мне неизвестной птицей

словно с самим собой я с ними говорю
и словно сам себе же отвечаю
дремучим шелестом и колыбельным плеском
гудением и стрёкотом и мне
вдруг кажется
что это не у птицы – у меня в гортани
журчит хрустальный ручеёк

Палимпсест (первая страница)

Дачный посёлок причаливает к берегам июля ты стоишь на крыльце на капитанском мостике и ведешь свои мысли по глади летнего утра шмель возится в цветке шиповника твой сосед пётр иваныч обходит огород дневным дозором и ты приветствуешь его улыбкой давно живущей на твоих губах ровные волны зеленеющих грядок куст шиповника – буек душистый дачные домики в гавани полдня тень соседа точно спущенный парус проплывают в мареве мимо тебя и шмель гундосит твой сосед пётр иваныч прося на водку и всплеск лучей о волнорез его улыбки куст шиповника и ты в карманах и в тени колючей шаришь протягиваешь розу шиповника петру иванычу и он разглаживает лепестки и просит два рубля ещё добавить

Палимпсест (четвёртая страница)

ты ходишь по комнате
перелистываешь братоубийственные летописи
рифмуешь сусальных ангелов с букетом увядших нарциссов
ходишь и ходишь

юноша спешит на свидание зажав в кулаке пригоршню мотыльков для своей возлюбленной ангелы маршируют по брусчатке сознанья их шаги отливаются в литеры и детонируют в твоём мозгу это буки идут войною на веди шрапнель поцелуев и судьба покидает окоп твердо слово ея аки обры обрящете бороны смерти оттаявшие по весне любовники присягают в верности осязанью лепестки нарциссов и крылья мотыльков врачует жена в ожидании мужа азъ добро есть черви гложут глаголь в мозжечке детонируют ангелы горсть мотыльков бросает вдова на могилу супруга

ты ходишь по комнате
узнаёшь из летописей что дыба –
лучшее средство от скуки
рифмуешь букеты увядших ангелов с литерами смерти
ходишь и ходишь
и собираешь в пригоршню мотыльков

Палимпсест (страницы с пятой по восьмую)

спатьспать повернуться набок вывернуть взгляд наизнанку и спать будильник лузгает семечки секунд ты сплёвываешь шелуху пустую колыбель качает мать взрослый сын плачет у

неё за спиной мамамама страшный сон мне приснился он и сейчас стоит лишь закрыть глаза шевелится под веками

мальчик на фотографии которую я показываю знакомым приговаривая этоякогда ма-ма мы-ла ра-му на его-моём лице улыбка-раковина поднятая со дна речки Онеги и вскрытая перочинным ножиком и вот ямальчикнафотографии поравнявшись со мной какойясейчас тем же ножиком которым взрослые вскрывали его-мою улыбку-раковину пырнул меня в самое горячо в сплетение солнечного и лунного затмений

спатьспать незнаюкакойясейчас и которыйчас жена плеснула под боком теплой речной волной плеснула и отхлынула прошуршав ворчливым песком унося его в глубь себя в гугнивую тишь там покоятся мальчики на затонувших фотографиях улыбки-раковины тронутые первой ржавчиной перочинных ножей там покоится многоемилоесердцу некогда тело её предстояло на ложе вышедшей из берегов Онегой Онегой страстно текущей как отрадно было бросаться с разбега в бурный поток или поёживаясь осторожно ступать в прохладные воды плыть по течению нырять и плескаться точно школьник во время каникул ныне же с хлебным обозом по Ладоге мёрзлой правишь опасливый путь свой бурлаки за волосы тянут тебя по обмелевшей Онеге тянут-потянут эхухнут и тянут до изнеможения до затмения солнечного и лунного сплетений до незнаюкакойясейчас и которыйчас И УСПИ ДАЛИДА САМСОНА НА КОЛѢНѢХЪ СВОИХЪ: И ПРИЗВА СТРИГАЧА

на стрелках будильника набухают почки иных миров чтоб завести весенние часы слетаются скворцы скво-рцы скво-рцы кузнечик тревожно стрекочет за циферблатом взрослый сын из-за спины матери заглядывает в пустую колыбель словно прохожий в окно выпуская голубя сизого дыма сизые голуби дыма сливаются с тучами и облаками проплывают под веками тучи точно беременные женщины и облака словно складки обрюзгшего женского тела беременные тучи и обрюзгшие облака беременные и обрюзгшие женщины проплывают над миром над пустой колыбелью проплывают под веками

этоякогда учительница была строгая и несчастная а мы волчата-лакомки лузгали семечки секунд столпившись у карты мира и скалясь на освежёванные туши материков и пока строгая и несчастная смачивала свои губы в водах Онеги приговаривая повторяйте за мной ма-ма мыла ра-му мы переправлялись парами на другой берег и смотрели оттуда как она одиноко водит указкой по синей струйке реки и было неясно рука ли дрожит ли река от истока до устья и которыйчас и какойясейчас

И УСПИ ДАЛИДА САМСОНА НА КОЛѢНѢХЪ СВОИХЪ: И ПРИЗВА СТРИГАЧА, И ОСТРИЖЕ СЕДМЬ ПЛЕНИЦЪ ВЛАСЪ ГЛАВЫ ЕГО

будильник тикает тикает гнойная ранка это скворцы не вернулись в скворечню сердца кузница стрёкота за циферблатом стрелки провисли под тяжестью плодов сочный опыт грусти передаешь собеседнику вазу с фруктами он выбирает яблоко или виноград или что больше нравится его подруге и гладя её самое горячо нет-нет это чужая подруга моя ваза с фруктами глядя на неё через плечо понимаешь скворцы не вернутся в скворечню сердца и выбегаешь на улицу бросаешься к первому встречному прохожему голубю сизому дыма и бросаешь ему навстречу крошки шёпота крошки шёпота гули-гули

этоякогда в свои права вступает эвридэй и тонкострунные девы фальшивят в твоих заскорузлых объятьях и ты сидишь на берегу Онеги червячок на крючке удишь-глядишь садится

стрекоза на поплавок твоей печали мальчик на фотографии выплывает на середину реки его голос зовущий на помощь обгоняет волну налегая на вёсла дыханья и причаливает к берегу слуха твоего ты поднимаешь веки набухшие словно вата приложенная к гнойной ранке поднимаешь веки и прерванный сон твой словно сын покидающий мать устремляется к устью иных миров туда куда улетели скворцы скво-рцы где небо чаяний наших туда где жив Господь и ты живчеловек жив-курилка живчик ямальчикнафотографии незнающий какойясейчас и которыйчас ты щупальца всех пяти чувств своих тянешь-потянешь эхухнешь и тянешь в едином отчаянье к ОнегеЛадогемерзлой к лопнувшим почкам иных миров к Господихлебнашнасущный и говорит Господь повторяй за мной МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ

мамамама страшный сон мне приснился

И УСПИ ДАЛИДА САМСОНА НА КОЛѢНѢХЪ СВОИХЪ: И ПРИЗВА СТРИГАЧА, И ОСТРИЖЕ СЕДМЬ ПЛЕНИЦЪ ВЛАСЪ ГЛАВЫ ЕГО: И НАЧА СМИРЯТИСЯ, И ОТСТУПИ КРѢПОСТЬ ЕГО ОТ НЕГО.

Август

раннее утро на исходе лета словно цитата из Евангелия от Природы
солнце всходит на холм с полными вёдрами синего неба
не беда что малость расплескалось
и глотка для счастья довольно
но в счастье ли дело
когда от самого горизонта
до безлюдных окраин души
простирается море света
на сухих и зелёных травинках – капли росы
слезинки Бога как говорят в деревне
в них отражается всё что минуло
и всё чему минуть ещё предстоит

половица ли скрипнет чиркнет по сердцу сверчок
каждый звук – окно распахнутое в вечность
и я в него гляжу из комочка своей тишины

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.